

33.3 (2Рос=РУС)
С23 - 1476;
ТФ

ОРНИКЪ = ВОСПОМИНАНИЙ о Л·Н·ТОЛСТОМЪ

А·ПРУГАВИНЪ, И·ДАВЫДОВЪ, И·ТИМКОВСКІЙ,
И·ГИНЦБУРГЪ, ОСКАРЪ БЛЮМЕНТАЛЬ, А·ХИРЬЯКОВЪ,
Л·БЕРТЕНСОНЪ, С·ШУЛЬГИНЪ, И·ПАРХОМЕНКО,
И·НАЖИВИНЪ, В·МАЛАХІЕВА-МИРОВИЧЪ.

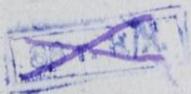
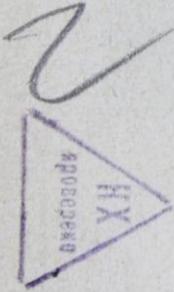
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЗЛАТОЦВѢТЬ»

~~83.3~~
83.3 (290c=Рус) 1
с 93

413

СБОРНИКЪ
ВОСПОМИНАНІЙ
о
Л. Н. ТОЛСТОМЪ.

А. ПРУГАВИНЪ, Н. ДАВЫДОВЪ,
Н. ТИМКОВСКІЙ, И. ГИНЦБУРГЪ,
ОСКАРЪ БЛЮМЕНТАЛЬ, А. ХИРЬЯ-
КОВЪ, Л. БЕРТЕНСОНЪ, С. ШУЛЬ-
ГИНЪ, И. ПАРХОМЕНКО, И. НАЖИ-
ВИНЪ, В. МАЛАХІЕВА - МИРОВИЧЪ.

КН-ВО „ЗЛАТОЦВѢТЬ“.

МОСКВА.—1911.

Типографія „Печатное Дѣло“ Москва, Газетный пер., д. № 9.

Оглавление.

	<i>Стр.</i>
А. С. Пругавинъ. О парадоксахъ Л. Н. Толстого	1
Н. В. Давыдовъ. Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ. (О пьесахъ— „Власть тьмы“, „Плоды просвѣщенія“ и „Живой трупъ“) . . .	17
Н. И. Тимковскій. 1) О Л. Н. Толстомъ	34
2) Мои первыя свиданія съ Л. Н. Толстымъ . .	51
И. Я. Гинцбургъ. Какъ я работалъ въ Ясной Полянѣ.	54
Оскаръ Блюменталь. Встрѣча со Львомъ Толстымъ	65
А. М. Хирьяковъ. Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ.	73
Л. Б. Бертенсонъ. Страницка къ воспоминаніямъ о Л. Н. Толстомъ.	81
С. Н. Щульгинъ. Изъ воспоминаній о гр. Л. Н. Толстомъ (о „Хаджи- Муратѣ“)	93
И. Я. Гинцбургъ. 1) Стасовъ у Толстого	105
2) Радость жизни.	116
И. Ф. Наживинъ. Изъ бесѣдъ въ Ясной Полянѣ.	124
И. К. Пархоменко. Три дня у Толстого.	135
В. Г. Малахіева-Мировичъ. Въ Ясной Полянѣ.	158

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Всѣ статьи настоящаго сборника были напечатаны въ различныхъ изданіяхъ. Думаемъ, что, собранныя вмѣстѣ, они представляютъ большую цѣнность, давая болѣе цѣльное представление о жизни и личности великаго писателя.

Статьи расположены въ хронологическомъ порядкѣ, поскольку это позволяетъ характеръ матеріала.

А. С. ПРУГАВИНЪ.

О парадоксахъ Л. Н. Толстого.

I.

Два „гениальныхъ мужика“.

Зимній, но теплый, сыроватый день, — не больше двухъ-трехъ градусовъ мороза. На центральныхъ улицахъ Москвы обычное оживленное движение.

По Страстной площади, мимо Строгановскаго училища, по направленію отъ Малой Дмитровки къ Большой Бронной, въ простыхъ деревенскихъ санкахъ ѿдѣтъ легкой рысцей господинъ съ большой бородой, сильно тронутой съдиной, на рослой, крупной лошади темной масти.

Это былъ Левъ Николаевичъ Толстой. Онъ ѿхалъ одинъ, безъ кучера; въ саняхъ не было устроено сидѣнья, поэтому Левъ Николаевичъ сидѣть на дни санокъ, вытянувши ноги.

Въ это самое время и въ томъ-же направленіи мнѣ пришлось идти по Страстной площади. Въ тотъ моментъ, когда я подошелъ къ Большой Бронной, я увидѣлъ Толстого, который въ свою очередь замѣтивъ меня, быстро осадилъ, а затѣмъ и совсѣмъ остановилъ лошадь.

Поздоровавшись, онъ спросилъ, куда я иду? Я сказалъ, что направляюсь въ библіотеку Румянцевскаго музея, гдѣ въ то время я занимался почти ежедневно.

— А я ѿду къ Черткову, — сказалъ Толстой. — Намъ по

пути съ вами, — не хотите-ли я васъ подвезу?.. Садитесь! — предложилъ онъ, подвигаясь, чтобы дать мнѣ мѣсто.

Я помѣстился на днѣ санокъ, поджавши ноги, и мы поѣхали по Большой Бронной.

— Чертковъ пріѣхалъ сюда на нѣсколько дней, вмѣстѣ съ Колюбакинымъ *), — говорилъ Толстой. — Они остановились въ Трехпрудномъ переулкѣ... Вѣдь вы знакомы съ Чертковымъ, — не хотите-ли зайхать къ нему?

Я отвѣчалъ, что, къ сожалѣнію, не могу этого сдѣлать, такъ какъ къ двумъ часамъ Николай Федоровичъ Федоровъ — библіотекарь музея будетъ ждать меня съ разными справками, о которыхъ я его просилъ.

Левъ Николаевичъ лично зналъ Н. Ф. Федорова и относился къ нему, какъ къ человѣку «святой жизни», съ большимъ уваженіемъ. Даѣе я буду имѣть еще случай подробнѣе говорить объ отношеніи Толстого къ этому дѣйствительно необыкновенному человѣку, котораго цѣнили и любили всѣ тѣ, кому приходилось имѣть съ нимъ дѣло.

Сказавъ нѣсколько сочувственныхъ словъ по адресу «библіотекаря-подвижника», Левъ Николаевичъ съ живостью началъ говорить о рукописи крестьянина Бондарева: «Трудолюбіе или торжество земледѣльца», получившей въ половинѣ 80-хъ годовъ большую извѣстность **). Толстой съ восторгомъ отзывался объ этой рукописи и придавалъ огромное значеніе тѣмъ идеямъ, которыя развивалъ въ ней авторъ, — крестьянинъ-сектантъ.

Мнѣ уже ранѣе было извѣстно, что Льву Николаевичу очень хотѣлось напечатать рукопись Бондарева въ какомъ-либо журналь, но это долго не удавалось. Даже попытка напечатать рукопись въ «Русской Старинѣ» потерпѣла неудачу. Наконецъ Ша-

*) Извѣстный дѣятель Воронежскаго земства, бывшій въ то время предсѣдателемъ губернскай управы.

**) Объ этой рукописи и авторѣ ея, Бондаревѣ, въ то время немало писалось въ русской печати, какъ въ столичной, такъ и провинціальной. Между прочимъ, о Бондаревѣ писали: Гл. Ив. Успенскій, Н. К. Михайловскій, И. П. Бѣлоконскій и друг.

раповъ рискнулъ напечатать произведение Бондарева въ своей газетѣ «Русскій Трудъ», но за это его газета немедленно же подверглась цензурной карѣ.

Только въ 1906 году «Посредникъ» получилъ возможность издать рукопись Бондарева, и теперь всѣ интересующіеся произведеніемъ крестьянина самоучки могутъ познакомиться съ нимъ и въ то-же время убѣдиться, насколько неоснователенъ былъ тотъ цензурный запрѣтъ, который такъ долго тяготѣлъ надъ нимъ.

По мѣрѣ разговора, Левъ Николаевичъ все болѣе воодушевлялся и наконецъ онъ обратился ко мнѣ съ такими словами:

— Знаете, что я вамъ скажу? — заявилъ онъ, натягивая возжи, чтобы замѣдлить ходъ лошади. — Двумъ русскимъ мужикамъ, простымъ, чуть грамотнымъ мужикамъ я обязанъ болѣе чѣмъ всѣмъ ученымъ и писателямъ вмѣстѣ взятымъ!..

Конечно, эти слова мнѣ показались явнымъ парадоксомъ, и я не могъ не улыбнуться на нихъ. Но видя, что Толстой не шутить, я спросилъ его: — Какимъ-же это мужикамъ онъ такъ много обязанъ?

— Сютаеву и Бондареву, — отвѣтилъ Левъ Николаевичъ совершенно серьезно.

— Оба сектанты, — замѣтилъ я, — по крайней мѣрѣ такими считаетъ ихъ наше духовенство.

— Да, — продолжалъ развивать свою мысль Толстой, — Сютаевъ еще болѣе укрѣпилъ меня въ идеѣ, что только любовь, одна любовь должна быть основой, сердцевиной жизни всѣхъ людей и ихъ взаимныхъ отношеній. Онъ весь проникнутъ убѣжденіемъ, что безъ любви человѣческая жизнь теряетъ всякий смыслъ, становится прямо невозможной, немыслимой... А Бондаревъ превосходно, гениально... да, да, гениально доказалъ, что земледѣльческій трудъ долженъ быть нравственной обязанностью каждого человѣка. И я вполнѣ убѣженъ въ томъ, что современемъ эта обязанность дѣйствительно станетъ моральнымъ, религіознымъ закономъ, которымъ будутъ руководствоваться всѣ люди.

Въ отвѣтъ на это съ своей стороны я замѣтилъ, что какъ Сютаева, такъ и Бондарева я ставлю очень высоко и отношусь съ горячимъ сочувствиемъ къ тѣмъ идеямъ, до которыхъ додумались эти замѣчательные самородки, но въ тоже время не могу не признать, что въ литературѣ можно встрѣтить почти тѣ-же самыя идеи, которыя развиваются этими «сектантами». Помню, что при этомъ я назвалъ имя Жанъ Жака Руссо, «Исповѣдью» котораго я увлекался въ то время.

Толстой сейчасъ-же возразилъ мнѣ, что это «совсѣмъ не то», что у Руссо вопросъ о приближеніи къ природѣноситъ слишкомъ теоретической, абстрактной и даже въ значительной степени сантиментальный характеръ, и что только Бондаревъ освѣтилъ этотъ вопросъ съ поразительной ясностью и возвелъ его на степень нравственного закона огромной важности. Поэтому-то онъ, по всей справедливости, долженъ считаться геніемъ.

Въ печати, какъ русской, такъ и заграничной, не разъ проскальзывали указанія на склонность Л. Н. Толстого къ парадоксамъ. Но особенно часто эти нареканія намъ приходилось слышать въ 80-хъ годахъ, отъ людей, лично знавшихъ великаго писателя, встрѣчавшихъ съ нимъ во время его жизни въ Москвѣ.

Насколько справедливы эти нареканія?

Едва-ли можно отрицать, что въ своихъ бесѣдахъ и особенно спорахъ Толстой дѣйствительно прибѣгалъ иногда къ заявленіямъ, выраженнымъ въ парадоксальной формѣ. Но для каждого, конечно, ясно, что къ подобному приему онъ прибѣгалъ только для того, чтобы добиться выясненія истины, выше и дороже которой для него ничего не было на свѣтѣ.

Въ этихъ видахъ онъ всякий вопросъ всегда ставилъ ребромъ, т.-е. вполнѣ опредѣленно, прямо и рѣзко. Толстой былъ смертельный врагъ всего недоговоренного, расплывчатаго, невыясненнаго. Все то, что характеризуется народной поговоркой: «ни два, ни полтора», было глубоко антипатично его цѣльной натурѣ.

Предпринявъ грандиозную и радикальную переоценку всѣхъ цѣнностей: религіозныхъ, моральныхъ и соціальныхъ, Толстой въ

своемъ анализѣ не остановился даже передъ такими «цѣнностями», которыя въ глазахъ всего культурнаго міра стояли въ критики, каковы: прогрессъ, культура, цивилизациѣ.

Въ области моральной, какъ и въ другихъ областяхъ, онъ постоянно искалъ абсолютнаго, универсальнаго. Это стремленіе являлось доминирующей чертой всѣхъ тѣхъ исканій, которыми непрестанно горѣлъ великий мыслитель. Евангельскій законъ любви ко всѣмъ людямъ, горячимъ проповѣдникомъ которого былъ крестьянинъ Сютаевъ, являлся въ глазахъ Толстого одной изъ такихъ абсолютныхъ этическихъ цѣнностей.

Рядомъ съ этимъ завѣтомъ онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ выдвигалъ «непреложный» нравственный принципъ, выраженный Бондаревымъ и состоящій въ томъ, что «хлѣбный трудъ» долженъ быть признанъ «основнымъ религіознымъ закономъ жизни», обязательнымъ для всѣхъ людей.

Въ предисловіи, которое Левъ Николаевичъ написалъ къ рукописи Бондарева, онъ между прочимъ, говоритъ: «Бондаревъ не требуетъ того, чтобы всякий непремѣнно надѣлъ лапти и пошелъ ходить за сохою, хотя онъ и говоритъ, что это было бы желательно и освободило бы погрязшихъ въ роскоши людей отъ мучающихъ ихъ заблужденій (и дѣйствительно, кромѣ хорошаго ничего не вышло бы и отъ точнаго даже исполненія этого требованія), но Бондаревъ говоритъ, что всякий человѣкъ долженъ считать обязанность физического труда, прямого участія въ тѣхъ трудахъ, плодами которыхъ онъ пользуется, своей первой, главной, несомнѣнной священной обязанностью, и что въ такомъ сознаніи этой обязанности должны быть воспитываемы люди. И я не могу себѣ представить, какимъ образомъ честный и думающій человѣкъ можетъ не согласиться съ этимъ»*).

Называя Бондарева «гениальнымъ человѣкомъ», Левъ Николаевичъ въ той-же статьѣ выступаетъ съ слѣдующимъ предска-

*.) „Трудолюбіе и тунеядство или торжество земледѣльца“, сочин. крестьянина Бондарева, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. Издание „Посредника“, Москва, 1906 г., стр. 6.

запіемъ относительно дальнѣйшей судьбы произведенія этого сектанта: «Какъ бы странно и дико показалось утонченно образованнѣмъ римлянамъ 1-го столѣтія, если бы кто-нибудь сказалъ имъ, что неясныя, запутанныя, часто непонятныя письма странствующаго еврея къ своимъ друзьямъ и ученикамъ будутъ въ сто, въ тысячу, въ сотню тысячъ разъ больше читаться, больше распространены и больше вліять на людей, чѣмъ всѣ любимыя утонченными людьми поэмы, оды, элегіи и элегантныя посланія сочинителей того времени. А между тѣмъ это случилось.

«Точно также странно и дико должно показаться людямъ теперешнее мое утвержденіе, что сочиненіе Бондарева, надъ наивностью котораго мы снисходительно улыбаемся съ высоты своего умственнаго величія, переживетъ всѣ сочиненія, описываемыя въ исторіяхъ русской литературы и произведетъ больше вліянія на людей, чѣмъ всѣ онѣ, взятыя вмѣстѣ».

И затѣмъ далѣе, выясняя «смыслъ и значеніе истины», провозглашенной Бондаревымъ, Левъ Николаевичъ ставить ему въ особую заслугу именно то, что онъ «выразилъ эту истину какъ непреложный законъ, отступленіе отъ котораго ведеть за собой неизбѣжныя бѣдствія и страданія, и, исполненіе котораго требуется отъ насъ Богомъ или разумомъ».

При этомъ Толстой особенно подчеркиваетъ, что «истина только тогда истина, когда она выражена не съ урѣзками и оговорками и прикрытіями, а тогда, когда она выражена вполнѣ».

II.

„Противъ культуры“.

Библіотечные залы Румянцевскаго музея. Длинные ряды высокихъ, громадныхъ шкафовъ, съ верху до низу унизанныхъ книгами всевозможныхъ форматовъ, въ различныхъ переплетахъ.

Полная, почти гробовая и потому довольно-таки жуткая ти-

шина царить въ этихъ высокихъ залахъ. Гулко раздаются шаги одинокихъ посѣтителей, изрѣдка появляющихся здѣсь для того, чтобы пройти въ залу, гдѣ хранятся библіотечные каталоги.

Въ этой жуткой тишинѣ, въ этой напряженной атмосфѣрѣ есть что-то кладбищенское, точно и въ самомъ дѣлѣ, здѣсь, въ этихъ огромныхъ шкафахъ, въ этихъ кожанныхъ переплетахъ похоронены мысли и переживанія многихъ тысячъ людей. Какое-то мистическое чувство невольно овладѣваетъ вами и кажется вамъ, что въ этой тишинѣ незримо витаютъ и рѣютъ тѣни тѣхъ людей, мысли, чувства и настроенія которыхъ хранятся за этими стеклами, за этими замками.

Чрезъ залы проходитъ высокій, бодрый господинъ лѣтъ 55-ти, съ глубоке сидящими глазами, которые вспыхиваютъ, какъ огоньки, и сверлять, какъ буравчики. Его провожаетъ старикъ лѣтъ 60, бѣдно одѣтый, въ старомъ, потертомъ, наглухо застегнутомъ не то длинномъ пиджакѣ, не то въ короткомъ пальто, безъ признаковъ воротничковъ и манжетъ.

Высокій господинъ, шедшій быстрой, легкой походкой, въ которой опытный глазъ непремѣнно узналъ бы въ немъ свѣтскаго человѣка и пожалуй подмѣтилъ бы слѣды былой кавалерійской исправки, вдругъ пріостановился. Остановился и его спутникъ.

Высокій господинъ окинуль глазами безконечные ряды полокъ съ книгами и затѣмъ, заглянувъ въ лицо своего спутника, проговорилъ :

— Ахъ, если-бѣ все это... сжечь!..

Какъ громъ въ ясный день, эти слова поразили старика. Точно ужаленный, онъ схватился за голову и закричалъ : — Боже мой!.. Чѣмъ вы говорите!.. Какой ужасъ!..

Этотъ старикъ былъ Николай Федоровичъ Федоровъ, библіотекарь и библіографъ Румянцевскаго музея. А высокій господинъ, какъ навѣрное уже догадался читатель, — Левъ Николаевичъ Толстой.

Это было въ началѣ 80-хъ годовъ, — точно года установить сейчасъ не могу. Я видѣлъ Николая Федоровича нѣсколько

дней спустя послѣ только что описанной сцены. Всегда спокойный, добродушный, привѣтливый — на этотъ разъ онъ весь горѣлъ, кипѣлъ и негодовалъ.

— Нѣть, послушайте, — обращаясь ко мнѣ говорилъ онъ съ глубокимъ волненіемъ, — каковъ Левъ-то Николаевичъ! Что онъ мнѣ сказалъ! Вѣдь вы только подумайте!..

И бѣдный старикъ, сверкая горѣвшими глазами начинай рассказывать быть можетъ въ десятый разъ о томъ, что ему пришлось услышать отъ Толстого.

Онъ всю свою жизнь отдалъ этимъ книгамъ, берегъ и хранилъ ихъ, читалъ, перечитывалъ, изучалъ, пропагандировалъ. Онъ все свои силы посвятилъ на то, чтобы служить посредникомъ между этими книгами и всѣми тѣми людьми, которые желали проникнуть въ ихъ тайны, ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. И вдругъ — «сжечь»!

— Толстой просто попуттилъ, это совершенно ясно, — съ убѣженіемъ сказалъ одинъ изъ библіотекарей, присутствовавшій при этомъ разговорѣ.

Но замѣчаніе это только подлило масла въ огонь.

— Да развѣ этимъ можно шутить?! — съ горечью и укоризной воскликнулъ Николай Федоровичъ.

— Ему просто вздумалось поразить васъ, попугать... У него есть эта Печоринская черточка, — говорилъ тотъ-же библіотекарь.

Николай Федоровичъ махнулъ рукой и принялъся рыться въ карточномъ указателѣ.

— Печоринская черточка, — бормоталъ старикъ, — но вѣдь онъ слава Богу не Печоринъ, а Левъ Толстой...

— Вѣдь вы-же всегда любили Толстого, — замѣтилъ я Николаю Федоровичу.

— Да я и сейчасъ его люблю, — отвѣчалъ старикъ тономъ, въ которомъ слышалась глубокая искренность. — Я совершенно увѣренъ, что Левъ Николаевичъ никогда ни одной книги не сожжетъ... Объ этомъ, разумѣется, и рѣчи не можетъ быть. Только ужъ очень онъ поразилъ меня своими словами...

Когда много лѣтъ спустя, я какъ-то рассказалъ объ этомъ эпизодѣ одному очень интеллигентному толстовцу, врачу по образованію, и просилъ его высказать свое отношеніе къ этому факту, онъ отвѣчалъ мнѣ приблизительно такъ:

— Историки рассказываютъ, что въ VII вѣкѣ, въ халифство великаго Омара, когда арабы взяли штурмомъ Александрію, они обратились къ своему повелителю съ вопросомъ: что дѣлать съ знаменитой Александрійской библіотекой, которая славилась на весь міръ огромнымъ богатствомъ книгъ и рукописей?

Подумавъ, Омаръ отвѣтилъ:

— Сжечь!

Но должно быть подмѣтивъ на лицахъ своихъ подчиненныхъ, всегда беспрекословно исполнявшихъ его приказанія, нерѣшительность и колебаніе, Омаръ счелъ нужнымъ аргументировать свое распоряженіе.

— Если въ этихъ книгахъ, — сказалъ поборникъ ислама, — пишется тоже, что въ Коранѣ, тогда онѣ излишни, а если въ нихъ то, чего нѣть въ Коранѣ, тогда онѣ вредны... *) Быть можетъ, нѣчто подобное почувствовалъ и Левъ Николаевичъ. И у него могла мелькнуть мысль: зачѣмъ всѣ эти книги, зачѣмъ всѣ эти библіотеки, когда есть Евангелие, въ которомъ такъ полно изложено все то, что нужно для жизни и счастія людей? И какъ человѣкъ въ высшей степени экспансивный, привыкшій дѣлиться даже самыми мимолетными мыслями, онъ тотчасъ-же высказалъ свою мысль первому-же человѣку, который въ эту минуту оказался около него.

На мои возраженія по этому поводу, врачъ-толстовецъ сказалъ: — «Однако вы должны признать, что книгъ дѣйствительно пишется и издается черезъ-чуръ много, слишкомъ много. И съ каждымъ годомъ все больше и больше. Цѣлый книжный потокъ, цѣляя лавина! Кто только не пишетъ теперь и о чёмъ только

*) Слѣдуетъ однако замѣтить, что позднѣйшіе изслѣдователи самымъ категорическимъ образомъ отрицаютъ фактъ сожженія Омаромъ библіотеки. А. П.

не пишутъ! Чего, напримѣръ, стоитъ одна называемая «мелкая пресса», на которой однако воспитываются широкіе круги народа. А лубочная литература, а бульварные романы, а порнографія, а линкертоновщина и т. д. и т. д.! Многіе миллионы книгъ, сборниковъ, брошюръ, газетъ, журналовъ и другихъ изданій. Подумайте, сколько яду, сколько отравы ежедневно вливается въ народную душу подобного рода литературой!.. И вѣдь это не со вчерашняго дня. Увѣряю васъ, что я отъ всего сердца привѣтствовалъ бы того изобрѣтательнаго смѣльчака, который нашелъ бы средство въ одинъ прекрасный день уничтожить всю эту заразу, всю эту «литературу», которая, по моему мнѣнію, вреднѣе и опаснѣе всякой холеры, всякой чумы. И я ни мало не сомнѣвалъся въ томъ, что въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи человѣчество непремѣнно и серьезно задумается надъ тѣмъ, чтобы такъ или иначе обезопасить себя отъ растлѣвающихъ вліяній подобныхъ сортовъ литературы... Левъ Николаевичъ, благодаря своей необыкновенной чуткости, не могъ, конечно, не сознавать опасности отъ этой темной стороны нашей культуры и, по своему обыкновенію, выразилъ эту мысль въ слишкомъ рѣзкой и даже прямо парадоксальной формѣ...»

Со своей стороны я долженъ сказать, что описанный случай отнюдь не нарушилъ тѣхъ добрыхъ отношеній, которые существовали между Толстымъ и «библіотекаремъ-подвижникомъ». Отношенія эти установились еще въ самомъ началѣ 80-хъ годовъ.

Въ письмѣ своемъ къ В. И. Алексѣеву *) въ концѣ 1881 года Левъ Николаевичъ пишетъ: «Есть и здѣсь (т. е. въ Москвѣ. А. П.) люди. И мнѣ даль Богъ сойтись съ двумя: Орловъ одинъ, другой и главный Николай Федоровичъ Федоровъ. Это библіографъ Румянцевской библіотеки. Помните, я вамъ разсказывалъ? Они составили планъ общаго дѣла всего человѣчества, имѣющаго цѣлью воскресеніе всѣхъ людей во плоти. Во-первыхъ, это не такъ

*) В. И. Алексѣевъ былъ учителемъ старшихъ сыновей Льва Николаевича и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ жилъ у Толстого въ Ясной Полянѣ.

безумно, какъ кажется. Не бойтесь, я не раздѣляю его взглядовъ, но я такъ понялъ ихъ, что чувствуя себя въ силахъ защитить эти взглѣды передъ всякимъ другимъ вѣрованіемъ, имѣющимъ внѣшнюю цѣль, во-вторыхъ и главное, благодаря этому вѣрованію, онъ по жизни самый чистый христіанинъ. Когда я ему говорю объ исполненіи Христова ученія, онъ говоритъ: «Да, это разумѣется» и я знаю, что онъ исполняетъ его. Ему 60 лѣтъ, онъ нищій, все отдаетъ, всегда весель и кротокъ **).

И позднѣе, всякий разъ, когда рѣчь заходила о Н. Ф. Федоровѣ, Толстой отзывался о немъ не иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ. Особенно его умилялъ тотъ необыкновенный ригоризмъ, которымъ отличался весь образъ жизни «библіотекаря-подвижника».

— Онъ живетъ, какъ настоящій аскетъ, — рассказывалъ мнѣ однажды Толстой, послѣ того, какъ ему пришлось посѣтить Николая Федоровича: — во всемъ себѣ отказываетъ и всѣ свои потребности сводить къ самому крайнему минимуму. Я прямо былъ пораженъ его обстановкой, — бѣдной и нищенской до послѣдней степени. Кровать у него безъ бѣлья, безъ простыни... Питается Богъ знаетъ какъ...

Въ свою очередь и Николай Федоровичъ, чѣмъ больше узнавалъ Толстого, тѣмъ все сильнѣе проникался симпатіей къ нему и уже не возмущался тѣми рѣзкостями и парадоксами, къ которымъ подчасъ прибѣгалъ Левъ Николаевичъ въ своихъ постоянныхъ и страстныхъ искашеніяхъ истины, которыми онъ горѣлъ всю свою жизнь. Слишкомъ уже было ясно, что выше и дороже истины для Толстого дѣйствительно ничего не существовало на свѣтѣ.

---

*) „Письма Л. Н. Толстого“, 1910 г. стр. 138.